

ВЗАИМОСВЯЗЬ КАТЕГОРИИ ЧИСЛА И КАТЕГОРИИ ОПРЕДЕЛЕННОСТИ/НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ В КУМЫКСКОМ ЯЗЫКЕ

Гаджихмедов Н.Э.¹, Гаджиева С.А.²

¹ФГБОУ ВПО «Дагестанский государственный университет» (367025, Республика Дагестан, Махачкала, ул. Гаджиева, 37), e-mail: nur1@yandex.ru

²ФГБОУ ВПО «Дагестанский государственный педагогический университет» (367025, Республика Дагестан, г. Махачкала, ул. Ярагского, 57), e-mail: sevdacik@mail.ru

В статье исследуются проблемы выражения определенности и неопределенности в кумыкском языке в тесной связи с категорией числа. Такой характер взаимоотношений категории числа и определенности/неопределенности объясняется нефлективностью имени в кумыкском языке. Межкатегориальные связи формируются взаимодействием морфологических и лексических средств. Исследование показало, что при функционировании форм числа их семантическое содержание нередко оказывается шире категориальной семантики: числовые значения сопряжены не только с определенностью/неопределенностью, но и актуальностью/неактуальностью. Имена существительные с показателем неопределенности *бир* «один», «некий», выражают актуализованную неопределенную единичность или множественность. Личные имена и существительные с аффиксами принадлежности всегда имеют значение актуализованной определенности. При одновременном использовании показателя определенности и неопределенности существительное имеет значение актуализованной неопределенности. При конкретной референции в словоформах единственного числа семантика единичности неразрывно связана со значением определенности. Немаркированная форма существительного выражает значение единичности как самостоятельно, так и с помощью обстоятельственных детерминантов. Формы единственного и множественного числа в нереферентном употреблении обозначают неконкретные, неиндивидуализированные предметы. Указательные местоимения всегда обозначают актуализованную единичность, поскольку выражаемая с их помощью единичность не может не быть актуализованной: она связана с обозначением не просто одного предмета, а такого предмета, который является объектом внимания участников речевого акта.

Ключевые слова: категория числа, категория определенности и неопределенности, грамматическая категория, кумыкский язык, тюркские языки.

NUMBERS AND RELATIONSHIP CATEGORIES CATEGORY DEFINITION / UNCERTAINTY KUMYK LANGUAGE

Gadzhiahmedov N.E.¹, Hajiyeva S.A.²

¹Dagestan State University: 367025, Republic of Dagestan, the city of Makhachkala, 37, Gadzhieva str., e-mail: nur1@yandex.ru

²The Dagestan state pedagogical university, Makhachkala, Russia (367025, Republic of Dagestan, Makhachkala, Yaragsky St., 57), e-mail: sevdacik@mail.ru

In the article problems of expression of definiteness and indefiniteness in the Kumyk language are investigated in close connection with the category of number. Such nature of interrelation between the category of number and definiteness/indefiniteness is explained by the inflectivity of a name in the Kumyk language. Intercategorical relations are formed by interaction of morphological and lexical means. Research showed that when the forms of number function, their semantic content is quite often wider than categorial semantics: numerical values are associated not only with definiteness/indefiniteness, but also with relevance/irrelevance. Nouns with the indefinite indicator *бир* "one", "certain", express the actualized indefinite singularity or plurality. Personal names and nouns with proper affixes always bear the meaning of the actualized definiteness. At the simultaneous use of the indicator of definiteness and indefiniteness the noun expresses the actualized indefiniteness. At a concrete reference in the singular wordforms the semantics of singularity is inseparably linked to the value of definiteness. The unmarked form of a noun can express the value of singularity independently, as well as by means of adverbial determinants. Singular and plural forms in a non-referential use designate the inconcrete, non-individualized objects. Demonstrative pronouns always designate the actualized singularity as the singularity expressed with their help can't but be actualized: it is connected with the designation not simply of one object, but rather such an object which attracts the attention of the participants of the speech act.

Keywords: category number, the category of certainty and uncertainty, grammatical category, Kumyk language, Turkic languages

Основные взаимоотношения категории числа с другими грамматическими категориями имени в кумыкском языке связаны с определенностью/неопределенностью. Такой характер межкатегориальных связей обусловлен нефлективностью имени в кумыкском языке и является не свойственным языкам с флективным строем. Межкатегориальные связи, формируемые взаимодействием внешних, формальных признаков, характеризуются как формально-структурные, или парадигматические [1, с.143-144], до сих пор в кумыкском языкознании не исследованы, что и определяет **актуальность** избранной темы исследования.

Цель исследования – выявить взаимосвязь значений категории числа и категории определенности-неопределенности в кумыкском языке.

Научная новизна исследования определяется тем, что в нем впервые выявляются лексико-грамматические средства, определяющие взаимосвязь значений категории числа и категории определенности/неопределенности в кумыкском языке.

Выявление скрытых от непосредственного наблюдения связей и отношений между рассматриваемыми категориями позволит значительно продвинуться в понимании специфики определенности-неопределенности и внести определенный вклад в общую теорию морфологических категорий тюркских языков, что является **теоретической значимостью** исследования.

Практическая ценность исследования заключается в том, что результаты работы имеют непосредственный выход в практику преподавания кумыкского языка в вузах и колледжах, а также могут использоваться для разработки спецкурсов, учебников и учебных пособий.

Методы и методика исследования, используемые в данной статье, включают метод семантико-структурного наблюдения, анализ взаимосвязей значений категории числа и категории определенности/неопределенности и систематизацию полученных результатов.

Материалом для исследования послужили примеры, извлеченные из текстов разговорного и художественного стилей кумыкского языка.

Результаты исследования и их обсуждение

При функционировании форм числа их семантическое содержание нередко оказывается шире категориальной семантики. В зависимости от конситуации, контекста, коммуникативной установки, от лексического состава существительных реализуется целый комплекс разнородных семантических свойств категории числа, которые не сводятся к выражению только единичности и множественности. Это значения определенности/неопределенности, конкретности/неконкретности, однородности/неоднородности, собирательности/дискретности, дистрибутивности,

выделительности и др. Строгой закреплённости формами числа выделенные значения не имеют. В семантических особенностях употребления форм числа проявляется функционально-стилистическая специфика категории числа, что обусловлено, прежде всего, различными возможностями разговорной, научной и художественной речи в референтном употреблении имен существительных [7, с. 98].

Впервые в кумыкском языке категорию определенности-неопределенности выделил Н.К. Дмитриев [6, с.172–173]. Нормативные грамматики кумыкского языка такой категории не отмечают. Причиной тому является отсутствие грамматического показателя определенности/неопределенности в кумыкском языке. Однако следует отметить, что у этой категории есть лексико-грамматические средства репрезентации значения определенности/неопределенности, которые постоянно взаимодействуют с числовыми формами имен существительных.

Значением определенности/неопределенности осложняется не только форма единственного числа, но и форма множественного числа. Значение определенной единичности в кумыкском языке выражаются следующими способами:

а) указательными местоимениями *бу*, *шу* «это», *о*, *шо* «тот»: *бу кагъыз* «это письмо», *о яш* «тот мальчик»;

б) определительными местоимениями *булай/олай*, *шолай/шулай* «такой»: *булай иш* «такая работа», *шулай гюн* «такой день»;

в) аффиксами родительного и винительного падежей: *тавну башы* «вершина горы», *китапны алмакъ* «взять книгу»;

г) одновременным использованием аффиксов родительного или винительного падежей и указательного местоимения: *бу кагъызны* «это письмо», *шо китапны* «ту книгу».

д) одновременным использованием аффиксов родительного или винительного падежей и определительных местоимений: *булай ишни* «такую работу», *шолай адамны* «такого человека».

Неопределенность имен существительных выражается:

а) при помощи форманта *бир* в значении «некий, какой-то»: *бир гиши* «какой-то мужчина», *бир адам* «какой-то человек»;

б) опусканием аффикса винительного падежа. Ср.: *китап алмакъ* «взять книгу (ср. *китапны алмакъ* «взять книгу (определенную))»;

в) одновременным использованием форманта *бир* и опусканием аффикса винительного падежа: *денгиз бойда мен бир белбав тапдым* «на берегу моря я нашел какой-то ремень».

Имена существительные с показателем неопределенности *бир* «один», «некий», выражают актуализованную неопределенную единичность или множественность. «Значение

неопределенности, накладываясь на значение единичности или множественности, заостряет это значение, делая его информативно выделенным, то есть актуализованным» [5, с.91; 4, с.17-40].

Личные имена и «существительные с аффиксами принадлежности всегда имеют значение актуализованной определенности, поэтому они не употребляются без аффиксов родительного и винительного падежей». При одновременном использовании показателя определенности и неопределенности «существительное имеет значение актуализованной неопределенности» [2, с. 152; 3, с. 157]: *Шо заман ол оьзюню тувра алдында токътагъан бир яшны гёре* (З. Атаева). «В это время он видит перед собой какого-то мальчика».

Для словоформ множественного числа существительных в конкретно-референтном употреблении характерен другой набор семантических признаков: «множественность», «конкретность», «дискретность», «определенность», «ограниченность». Обозначается ограниченное количество конкретно воспринимаемого множества отдельных объектов, определенных или неопределенных для слушателя: *Бу яшлар сени кьоюн гелип кьалгъан болгъанлар* (А. Мамаев). «Оказывается, эти ребята тебя оставили там и вернулись».

Немаркированная форма существительного выражает значение единичности как самостоятельно, так и с помощью обстоятельственных детерминантов. Семантика единичности, выражаемая немаркированным именем без детерминанта, реализуется в определенных контекстуально-ситуативных условиях. Возможности же контекста для количественной актуализации немаркированного имени, как показывают наблюдения, весьма ограничены. Только контекст может обеспечить (но и то далеко не всегда) выделяемость значения единичности, он дает возможность лишь обнаружить, констатировать это значение. Однако количественная сторона в этом случае будет так же неактуальна, как и во всех прочих случаях употребления немаркированной формы уточнителей, например: *Анасы хониулардан кьайтып, уйге гуре* (И. Къызларлы) «Мать возвращается от соседей и заходит домой».

В процессе коммуникации происходит варьирование форм единственного и множественного числа существительных в пределах одного диалогического единства и даже одного высказывания, что связано стремлением говорящего уточнить, пояснить предмет разговора, избежать повторов. Так, словоформа единственного числа называет конкретный предмет, а форма множественного числа употребляется нереферентно, в ней отсутствует конкретность, затушевывается индивидуализация предмета. Ср. *Онда магъа бир яш ёлукъду. Бир де гёрмегенмен олай яшлары.* «Там я встретил какого-то парня. Никогда не встречал таких парней». Такое употребление форм числа свойственно разговорному стилю речи. Цель

использования числовых форм – уточнение того, что говорится в первой части высказывания.

Указательные местоимения всегда обозначают актуализованную единичность, поскольку выражаемая с их помощью единичность не может не быть актуализованной: она связана с обозначением не просто одного предмета, а такого предмета, который является объектом внимания участников речевого акта.

Актуализованной является также неопределенная единичность, выражаемая немаркированным именем с уточнителем *бир* «один». Семантический оттенок неопределенности, накладываясь на значение единичности, заостряет эту семантику, делает его актуализованным, например: *Хыйлы ариде терезелеринден бир уй гёрюне* (Ибрагимов-Къызларлы). «Очень далеко с окана виден какой-то дом». Однако в преобладающей части случаев немаркированное имя с уточнителем *бир* «один» обнаруживает нейтральность в отношении определенности/неопределенности. Наличие при имени числительного *бир* «один» не оставляет в таких случаях при поддержке контекста сомнений в том, что говорящим имеется в виду единичный предмет, но эту единичность едва ли можно считать актуализованной. Во всяком случае, четкая актуализация единичности здесь явно отсутствует. По сути дела, мы имеем здесь ту же единичность, которая выражается немаркированным именем и контекстуальным путем. Но в то же время использование специализированного уточнителя — генерализованной (или слабо актуализованной) единичности, каковой выступает единичность, нейтральная в отношении определенности/неопределенности, свидетельствует о тенденции к грамматикализации, формализации данного значения. В связи с этим существенно отметить, что функционирование новых форм для выражения единичности происходит именно на основе грамматикализации числительного «один» как действительно связанного с актуализацией, сужающей пространство рамками определенности/неопределенности. Использование для этой цели указательных местоимений дало бы настолько узкоспециализованную форму (она выражала бы только определенную единичность), что едва ли бы она могла существовать без поддержки другой формы с более широким значением единичности.

Главное отличие личных имен от предметных заключается в том, что форма единственного числа личных имен может свободно выражать актуализованную единичность без каких-либо уточнителей: *Алма бавдан къарт бавчу мунг айлана*. (М. Халилов). «По саду печально бродит старый садовод». Но поскольку личные имена сосуществуют с предметными именами, где картина иная, это не может не сказаться на личных именах. Так, наряду со значением актуализованной единичности личные имена могут иметь и те значения, которые свойственны предметным именам, т. е. обозначение формой

единственного числа общего (класса, вида, рода) и множественности (в сопровождении числительных или при множественном числе сказуемого).

Множественность денотатов обозначается и числительным: *Он уьч тавугъум да, эки хоразым да бар эди.* (А. Гъамитов). «У меня было тринадцать кур и два петуха». В сочетании с детерминантом *бир* количественные числительные выражают приблизительное количество денотатов: *Бир эллиге ювукъ атлыны да алып, шонда низам къурмагъа къарагъыз!* (А. Къурбанов) «Возьмите с собой около пятидесяти всадников и попробуйте навести там порядок».

При описании предметных имен было показано, что они в единственном числе не способны выражать актуализованную единичность, что обусловлено грамматически: это есть следствие отсутствия в этой форме морфологического показателя, т. е. средства обозначения числа. Здесь встает вопрос о том, как же могут имена, обозначающие лица, при аналогичной неоформленности и вопреки ей выражать актуализованную единичность в форме единственного числа без уточнителей? По-видимому, это свойство имен, обозначающих лица, может быть объяснено присущим им как грамматическому классу значением актуальности, которое и позволяет им преодолевать ограничение, налагаемое морфологической неоформленностью. Иначе говоря, само значение действующего лица, деятеля, личности, характеризующее данный класс имен, есть значение индивидуума, для которого единичность имманентна. Переставая выступать как активное, действующее лицо, имя, соответственно, утрачивает и значение единичности. На русский язык подобные имена переводятся множественным числом: *Дилбаргъа ошан исбайы къыз аз болур* (Ибрагъимов-Къызларлы). «Мало красавиц, похожих на Дилбар».

Исходя из того, что форма единственного числа личных имен регулярно выражает актуализованную единичность без помощи каких-либо дополнительных средств, а, следовательно, в себе самой несет это значение, ее нельзя определять как форму, безотносительную к числу. Обладая значением числа (единственного), эта форма вступает в прямую, парадигматическую оппозицию с формой множественного числа и поэтому может быть определена для класса лиц как форма с нулевым показателем. Таким образом, наименование этой формы формой единственного числа оправдано здесь не только традицией, но и отвечает ее грамматическому назначению.

Поскольку личные имена свободно выражают актуализованную единичность без уточнителей, указательные местоимения и числительное *бир* «один» при них едва ли можно определять как специализированные уточнители числа: главной их функцией и является выражение определенности/неопределенности. *Бу къатынны борчун неге бермейсен?* (А. Къурбанов). «Ты почему не возвращаешь долг этой женщины?»

Значения определенности и неопределенности для личных имен не являются признаками, актуализирующими значение единичности, которое заложено в самой форме этих имен, т. е. актуализовано уже на языковом уровне и поэтому в речи оно не нуждается для своей экспликации ни в каких дополнительных характеристиках. Относительно личных имен можно говорить, что значение неактуализованной единичности им не свойственно вообще.

Для личных имен не характерно противоположение оформленного и неоформленного прямого дополнения. Личные имена в тюркских языках, как правило, в функции прямого дополнения получают оформление: *Яшны сувукъ сувда кириндирме.* (М. Ягъияев). «Не купай ребенка в холодной воде».

Случаи неоформленного прямого дополнения для личных имен редки, вероятно, потому, что для этих имен значение общего мало свойственно в функции прямого дополнения.

Наиболее общими разновидностями количественных отношений, на наш взгляд, является определенное и неопределенное количество, так как любое высказывание с количественной семантикой соотносится с какой-либо одной из указанных категорий.

С гносеологической точки зрения количество мыслится определенным, если в процессе познания такого количества выявлен его специфический признак, то есть фиксируется качественное своеобразие. В лингвистике определенность связана с точными числовыми значениями, соотносимыми с элементами натурального ряда чисел. Если выявлен лишь общий признак познаваемого количества и в сознании возникает не одно число, а расплывчатое множество, то количество мыслится как неопределенное, показатель – отсутствие выхода на натуральный ряд чисел. Противопоставление определенного и неопределенного множества обусловлено разным характером охвата сознанием отражаемого содержания, то есть разным характером осмысления объективных фактов, что и создает разные семантические формы мысли». Несмотря на то, что в объективной действительности количество предметов всегда определено, идея неопределенного множества может возникнуть в результате «либо процесса обобщения, либо непознанности данного количества, когда человек в силу тех или иных причин не в состоянии обнаружить истинное количество предметов» [9, с.47].

На наш взгляд, явление приблизительности связывает определенное и неопределенное количество, в котором специфический признак количества не выявлен, но выявлена его близость к количеству, принятому за точку отсчета. Приблизительное количество передается повтором неопределенного местоимения *бир* (*бир-бир*) «некий, некоторый», которое указывает на числовое значение в определенном интервале: *бир-бир гюнлер* «некоторые

дни», *бир-бир гечелер* «некоторые ночи» и др.[см. 8, с.140-144]. Как видим, в русском языке значение приблизительного количества выражается главным образом синтаксически, в специальных конструкциях.

Заключение

Категория числа, взаимодействуя с категорией определенности/неопределенности, выражает два типа единичности: актуализованную единичность и неактуализованную единичность. Актуализованная единичность всегда связана с выражением значений определенности и неопределенности, а неактуализованная единичность нейтральна в отношении к семемам определенности/неопределенности. Определенность и неопределенность в кумыкском языке выражается лексико-грамматическими средствами. Показатели определенности/неопределенности всегда указывают на актуализованную единичность. Формант *бир* «один» может выражать как актуализованную (неопределенную и при соответствующих условиях определенную) единичность, так и (в большинстве случаев) единичность неактуализованную.

Список литературы

1. Бондарко А.В. Теория морфологических категорий. – Л.: Наука, 1976. – 255 с.
2. Гаджихмедов Н.Э. Категория числа в кумыкском языке // Категория числа в дагестанских языках. – Махачкала, 1985. – С. 152-160.
3. Гаджихмедов Н.Э. Категория множественности // Современный кумыкский язык. – Махачкала: ИЯЛИ ДНЦ РАН, 2014. – С. 154-171.
4. Гаджихмедов Н.Э. Категория числа в парадигме современной лингвистики (на материале русского, тюркских и дагестанских языков). – Махачкала, 2007. – 246 с.
5. Гаджихмедов Н.Э. Кумыкское словоизменение в сравнительном освещении. LAPLAMBERT Academic Publishing, 2012. – 462 с.
6. Дмитриев Н.К. Грамматика кумыкского языка. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1940. – 205 с.
7. Захарова Е.П. Особенности функционирования категории числа существительных в научной речи // Функционирование языка в разных видах речи. – Саратов, 1986. – С. 97-107.
8. Самедов Д.С., Гаджихмедов Н.Э., Абдуллаева А.А. К вопросу о репрезентации множественности субстантивной редупликацией// Вестник Дагестанского государственного университета. – 2014. – № 3. – С. 140-144.
9. Чеснокова Л.Д. Категория количества и способы ее выражения в современном русском языке. – Таганрог: Изд-во Таганрогского гос. пед. ин-та, 1992. – 178 с.

Рецензенты:

Кадыров Р.С., д.фил.н., профессор, зав. турецкого и персидского языков ФГБОУ ВПО «Дагестанский государственный университет», г. Махачкала;

Хангереев М.Д., д.фил.н., проф. кафедры дагестанских языков ФГБОУ ВПО «Дагестанский государственный университет», г. Махачкала.